

А. Ю. Шуров

О НОВОМ ПОДХОДЕ К ОСМЫСЛЕНИЮ ПРЕДПОСЫЛОК ВОЗНИКНОВЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РАЗЫСКНОГО ТИПА

Статья посвящена теоретическим проблемам типологии уголовного судопроизводства, в частности предпосылкам перехода от уголовного процесса обвинительного типа к розыскной организации судопроизводства. Автор обращает особое внимание на то, что до настоящего времени не разрешен вопрос о причинах возникновения уголовного процесса розыскного типа. Они являются настоящими загадками для юридической науки. Выдвигается гипотеза о том, что эти причины обусловлены революционными изменениями в мировоззрении, а именно внедрением в общественное сознание идей научного мировосприятия. Автор приводит аргументы, объясняющие роль церкви во включении исследовательских процедур в уголовное судопроизводство, а также объясняет общую роль канонического права в создании предпосылок изменения типологии процесса. Обосновывается революционный, а не эволюционный характер перехода к уголовному процессу розыскного типа. Указываются идеологические основания этого перехода. На основе обозначенных исторических проблем и парадоксов автор формулирует задачи, которые предстоит решить современной уголовно-процессуальной науке.

Ключевые слова: типология уголовного процесса, состязательность, инквизиционность, уголовный процесс розыскного типа; публичность; каноническое право; идеологические основы уголовного судопроизводства.

A. Yu. Shurov

ON A NEW APPROACH TO REFLECTING THE PRECONDITIONS OF THE INITIALIZATION OF THE CRIMINAL PROCESS OF THE EXTREME TYPE

The article is devoted to theoretical problems of the typology of criminal proceedings, in particular, the preconditions for the transition from a criminal process of an accusatory type to an investigative organization of proceedings. The author pays special attention to the fact that until now the issue of the reasons for the appearance of a criminal process of a search type has not been resolved. They are real puzzles for legal science. A hypothesis is advanced that these reasons are due to revolutionary changes in the world outlook, namely, the introduction of ideas of the scientific worldview into the public consciousness. The author gives arguments explaining the role of the church in including research procedures in criminal proceedings, and also explains the general role of canon law in creating the prerequisites for changing the typology of the process. The revolutionary, and not evolutionary, nature of the transition to the criminal process of the investigative type is substantiated. The ideological foundations of this transition are indicated. On the basis of the indicated historical problems and paradoxes, the author formulates the tasks to be solved by modern criminal procedure science.

Key words: typology of criminal process, competitiveness, inquisitiveness, criminal process of investigative type; publicity; canon law; ideological basis of criminal justice.

В нашем противоречивом и загадочном мире, пронизанном самыми невероятными причинно-следственными связями, вопросы об истинных причинах современных явлений (особенно если эти явления противоречивые и проблемные) всегда актуальны и востребованы. Плоха та наука, которая не испытывает желания вскрыть первоначала своих ключевых понятий и концепций и предъявить миру их объяснение, позволяющее ослабить проблемность и разрешить противоречия. Вместе с тем отсутствие исследовательского любопытства там, где оно уместно и, более того, необходимо, в различных отраслевых науках встречается не так уж редко. К сожалению, не исключение и наука уголовного

судопроизводства: в рамках уголовно-процессуальной теории и сегодня не объяснены ни подлинные причины, ни исконные предпосылки появления на свет уголовного судопроизводства розыскного типа. Однако когда-то очень давно искорка пытливого интереса промелькнула в работах одного из выдающихся теоретиков юриспруденции. В середине прошлого века соиздатель уголовно-процессуальной истории профессор М. А. Чельцов-Бебутов поставил перед собой грандиозную задачу по подготовке научного очерка эволюции уголовного судопроизводства. Его незаконченный труд, появившийся на свет более семидесяти лет назад, до сих пор является ценнейшим источником

информации и примером положительной исследовательской щепетильности. М. А. Чельцов-Бебутов в своем знаменитом «Курсе уголовно-процессуального права...» сделал акцент на том, что рождение идеи, давшей жизнь разыскному типу процесса, окутано густым туманом, через который с трудом пробиваются намеки на необъяснимый источник загадочной и внезапной трансформации уголовно-процессуальной формы. Вот цитата, в которой отражена эта мысль: «Авторы, изучавшие процесс расцвета эпохи феодализма с его „судами равных“, с широчайшим применением обвинительного начала и всепоглощающим методом доказывания в виде поединка, с недоумением останавливались перед феноменом превращения этого состязательного и гласного процесса в процесс розыскной и тайный, устранивший обвинителя и передавший все тяготы расследования судье, снабженному неограниченными полномочиями. Иногда говорили даже о „революции“ в области процесса. Но когда вставал вопрос о причинах этой революции, об источниках этого нового процесса, то ответ обычно сводился к указанию на каноническое право» [1, с. 205]

Процитированный фрагмент — настоящий бриллиант юридической мысли. В нем содержится важнейшая научно-историческая констатация, которая может быть положена в основание специальной исследовательской программы, нацеленной на вскрытие нереализованного методологического и идеологического потенциала розыскной идеи. М. А. Чельцов-Бебутов четко сформулировал задачу для юридической науки. Однако сам он ее не решил. Но нам упрекнуть его не в чем, ибо решение этой задачи, судя по всему, просто не охватывалось его исследовательскими установками, да и используемый им классовый подход к истории уголовного судопроизводства вряд ли был адекватным познавательным инструментом для этого. Вопросы, на которые он предложил ответить юридической науке, звучат очень просто: «Каковы причины революционного перехода от обвинительного (раннего состязательного) типа процесса к процессу инквизиционному, и какое отношение к этому имеет каноническое право?».

В настоящей статье мы предлагаем результаты второй попытки размышлений над этим вопросом. Первый подход был сделан нами три года назад. Тогда, рассуждая о необычности самого факта возникновения розыскного типа процесса, мы заметили, что «чуждость» этого феномена объясняется тем, «что исследователи просто не могли даже предположить истинную причину изменения формы судопроизводства. Настолько эта форма принципиально отличалась от своей состязательной предшественницы. Поэтому изумление (исследовательский ступор) было вызвано тем, что исследователям-теоретикам не на что было опереться в методологическом плане, чтобы разглядеть следствием каких методологических и идеологических причин явился

розыскной процесс. Исследователи, изучавшие розыскной процесс 200 лет назад и более, не смогли установить рациональных предпосылок этого явления. И, вероятно, поэтому сущностный источник розыскного процесса, по сути, был определен конвенционально» [2, с. 315, 316]. Именно тогда мы высказали предположение о том, что в центр конвенционального компромисса было помещено каноническое право. Однако этой гипотезой мы признавали справедливость самого факта наличия такой конвенции, но никак не факт истинности того, что именно из канонического права и родилась розыскная идея. По нашему мнению, каноническое право само по себе не породило идею, помещенную в основание розыскного типа уголовного процесса; оно лишь приспособило ее для реализации собственных потребностей, поэтому каноническое право олицетворяет собой не входные ворота в проблематику розыска, а всего лишь важнейшую веху эволюции розыскного типа процесса. Однако именно эта веха столетиями воспринималась как главный источник розыска. Отдельные отчаянные попытки проникнуть за пределы этого «конвенционального первоначала» так и остались незамеченными. Во всяком случае они не пошатнули ключевой научной договоренности относительно причин возникновения розыска и даже не перевели эту тему в разряд дискуссионных. С годами провозглашенная «канонически-правовая» первопричина розыскного типа процесса стала восприниматься почти догматически. Подобное положение и сегодня доминирует. Несмотря на то что наши разработки по этому поводу имеются в свободном доступе, пока мало кто отреагировал на них с подлинным интересом. Видимо, современную науку уголовного процесса по-прежнему вполне устраивает версия «каноническое право — истинный источник розыска».

Вырывая каноническое право из причинно-следственной цепочки происхождения розыскной модели уголовного судопроизводства, мы одновременно отдаем себе отчет в том, что эта модель сама по себе тоже не является основанием этого права. В принципе здесь необходимо вести речь и не о праве как таковом, а о субъекте, для которого это право выступает инструментом, конкретно о церкви как особом социально-политическом институте, аккумулировавшем в свое время в себе и власть, и технологии. Тот факт, что именно церковь стала первой активно внедрять розыскные начала в свою практическую деятельность, в том числе через каноническое право, нами под сомнение не ставится. Нас интересует другой вопрос: почему именно церковь? В ходе поиска ответа на этот вопрос мы

выяснили целый ряд достижений, которым современный уголовный процесс обязан именно прогрессивной позиции церкви («прогрессивной» в определенном историческом контексте). Так, нам удалось установить, что идея публичности в уголовный процесс пришла тоже через «церковные ворота». Личный интерес в уголовном процессе был изначально потеснен более широким интересом церкви. Лишь потом на базе этой «церковной публичности» сформировалась идея общей публичности. Это не случайное стечение обстоятельств. В эпоху формирования инквизиционного процесса церковь находилась в центре и общественной, и государственной жизни, поэтому вполне закономерно, что она играла роль своеобразной «лаборатории», в которой на основе более общих идей изобретались новые юридические процессуальные концепции.

Можно сколько угодно спорить о том, возник ли разыскной процесс в праве каноническом, или же он родился задолго до того в светских судах и народных обычаях, или же он возник вне сферы судопроизводства. Однако любая точка зрения по этому поводу не отменяет главного концепта: в четкую осмысленную процедурную форму, основанную на разыском (инквизиционном, исследовательском) принципе, уголовный разыскной процесс оформился именно при активном интеллектуальном содействии церкви и формальных средств канонического права.

Церковь, выбрав в качестве методологической опоры своих преобразований слово «инквизиция», совершила своеобразный революционный переворот. Во времена этого методологически-идеологического выбора указанное слово еще не было столь нарицательным как сегодня. Более того, оно было словом юридическим и даже процессуальным.

Связывая имя «инквизиция» с процессуальными предпосылками, мы имеем в виду то историческое обстоятельство, что слово для новой судебной процедуры церковь нашла не в словарях, а именно в сфере юридического обращения. Термином *inquisition* в римском праве задолго до времени процессов инквизиции обозначалась поисково-исследовательская деятельность, связанная с собиранием доказательств. Таким образом, получается, что глубокие корни инквизиции как особого подхода к судопроизводству находятся в древнем светском процессе, а не в каноническом, как принято считать.

Как это ни парадоксально с современной точки зрения, но именно церковь была авангардным отрядом подготовки революционного перехода на рельсы научного мировоззрения. Культ познания в средние века (а именно в это время и

оформляется разыскной тип процесса) зарождается в рамках религии, в лоне церкви. Независимо от того, что предметом своего рационального познания церковь рассматривала изначально замысел Божий, сама идея рациональности была распространена на многие общественные институты. Детищем рациональной перестройки мировоззрения, на наш взгляд, является и разыскная идея, одухотворившая разыскной (инквизиционный) тип уголовного судопроизводства.

Важно осознавать и исторический контекст, в котором зарождалась разыскная идея. Это было время высокого культурно-интеллектуального напряжения. Общество перестраивалось как идеологически, так и методологически. Наука, а вместе с ней и рациональность проникала во все сферы жизни, в том числе в судопроизводство. Но сам факт данного проникновения не был стихийным. Это была вполне осмысленная работа. Ее выполняли, как мы уже подчеркивали, представители церкви.

Правда, оценивать роль и значение в этом направлении церкви нужно с определенной оговоркой: у нее в плане открытия передовых интеллектуальных технологий в средние века не было особых конкурентов. Церковь, если верить историческим документам, была единственным субъектом, который мог соединить научный подход и разыскную идею в соответствующую процессуальную технологию. Она же была и единственным субъектом, который мог осознать потребность в новом виде судопроизводства не на словах, а на деле. Нам представляется, что изначально разыскная идея возникла не как нечто интеллектуально-технологическое. Она появилась в форме потребности, порожденной недовольством сложившейся формой судопроизводства, ее неспособностью выполнять важные задачи, в том числе по защите государственных интересов.

«Идеологический» подход к исследуемому вопросу позволил нам выявить точку, на основании которой можно определиться в технологическом понимании материнской идеи розыска. Такой точкой является рациональность разыскной идеи. Может показаться, что целиком «вписать» развитие разыскной идеи в концепцию интеллектуализации юридического процесса вряд ли возможно даже по тому простому основанию, что средневековые интеллектуальные предпосылки разыскной идеи хронологически применимы лишь к «инквизиционной» стадии ее осознания. Это сомнение возникает вслед за вопросом: а как же быть с тем обстоятельством, что сама идея розыска куда более древняя, чем ее инквизиционная интерпретация?

Тот факт, что зачатки разыскного процесса

появляются задолго до времен Великой инквизиции (наступления эпохи рационализации в судопроизводстве) для нас не удивителен, как не удивительно и то, что эти зачатки тоже были обусловлены рациональностью. Рациональность не изобретение средних веков. Данная эпоха не открыла эту идею, а лишь в некотором смысле «переоткрыла» ее. Рациональные истоки разыскной идеи, как и всей нынешней техногенной западной цивилизации, следует искать в еще более глубокой древности. На эту мысль нас натолкнули многие факторы, в том числе исторические сведения об Античности. Приведем авторитетное мнение: «Техногенная цивилизация началась задолго до компьютеров, и даже задолго до паровой машины. Ее преддверием можно назвать развитие античной культуры, прежде всего культуры полисной, которая подарила человечеству два великих изобретения — демократию и теоретическую науку, первым образцом которой была Евклидова геометрия. Эти два открытия — в сфере регуляции социальных связей и в способе познания мира — стали важными предпосылками для будущего, принципиально нового типа цивилизационного прогресса» [3].

Разыскная идея, равно как и состязательная, питаются энергией, источник которой находится за пределами уголовного судопроизводства. Им является сама цивилизация, ее ключевые методологические открытия. В связи с этим уловить истинные причины возникновения данных идей можно только опираясь на глобальную картину исторического развития, в которой самым ярким пятном оказывается именно эпоха Античности.

Современное уголовное судопроизводство тоже при желании можно легко и логически безупречно связать с культурными и интеллектуальными достижениями Древней Греции. Две ключевых процессуальных идеи — состязательность и розыск (инквизиционность) — зародились именно тогда и именно в этом месте. Место и время рождения двух идей, питающих две различные процессуальные технологии, позволяет включить в поле размышлений одно важное обстоятельство. Эти культурные концепты хронологически являются ровесниками. Таким образом, рассматривая состязательность и розыск на уровне идей, мы не обнаруживаем между ними эволюционной преемственности. Исходная идея розыска не вырастает из «материнской» идеи состязательности, следовательно, можно говорить о том, что розыскной тип процесса не является закономерным этапом развития процесса обвинительного, равно как и состязательность впоследствии сменяет розыск вовсе не потому,

что эволюция процессуальной технологии нарабатала какие-то особые процессуальные предпосылки для трансформации.

Возможно, мы сформулируем мысль, идущую вразрез с доминирующей научной традицией. Но нам представляется, что розыск и состязательность в методологическом смысле вполне дружественные взаимоприемлемые концепции. Констатируемые наукой их противоборство и непримиримость есть следствие идеологических инсинуаций. Мы в очередной раз готовы подтвердить свою мысль, высказанную годом ранее: «Идеи состязательности и розыска не являются противоположными процессуальными идеями. Равно как изначально не являлись противоположностями и „материнские“ идеи, лежащие в их основе. Конкурентные отношения этих идей вытекают не из внутренней методологической природы, а из конкретных прикладных задач, которые пытается решить с их помощью человечество. Если задачи, стоящие перед уголовным процессом, пропитаны духом рациональности, то никакая состязательность не сможет полностью освободить уголовный процесс от проявлений разыскной идеи» [4, с. 281].

В завершение мы хотим подчеркнуть наиболее важную мысль: идеологический подход к осмыслению причины появления уголовного процесса розыскного типа позволяет установить, что изначальной причиной смены уголовно-процессуального порядка стала мировоззренческая революция, на волнах которой в мифологическое мировосприятие общества стали внедряться концепты прагматической ценности и рациональности. Разыскной тип процесса ознаменовал начало эпохи рациональных доказательств, торжество познавательных способностей человека. С тех самых древних времен уголовное судопроизводство представляет собой преимущественно интеллектуальную технологию. В интеллектуально-технологическом контексте подход, заключающийся в конкурентном позиционировании состязательности и розыска, есть не что иное, как исторический пережиток. Практический уголовный процесс давно уже примирил и сблизил эти идеи через модель смешанного уголовного судопроизводства. Практическая конвергенция должна получить серьезный теоретико-методологический фундамент.

1. Чельцов-Бebutov M. A. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. 2-е изд. СПб.: Альфа; Равена, 1995. 846 с.

2. Шуров А. Ю. Схема исследования идеологических основ уголовного процесса розыскного типа // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28). С. 315—318.

3. Степин В. С. Эпоха перемен и сценарии будущего. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5311/5313> (дата обращения 15.06.2017).

4. Шуров А. Ю. Античные предпосылки состязательности и розыска (инквизиционности) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 4 (36). С. 278—282.

© Шуров А. Ю., 2017

1. Cheltsov-Bebutov M. A. Course of criminal procedure law. Essays on the history of the court and the criminal process in the slave-owning, feudal and bourgeois states. 2 nd ed. SPb.: Alpha; Raven, 1995. 846 p.

2. Shurov A. Yu. Scheme of the study of the ideological foundations of the criminal process of the investigative type // Juridical science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 4 (28). P. 315—318.

3. Stepin V. S. The era of change and future scenarios. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5311/5313> (circulation date 15.06.2017).

4. Shurov A. Yu. Antique preconditions of competitiveness and search (inquisition) // Juridical science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 4 (36). Pp. 278—282.

© Shurov A. Yu., 2017